

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РОЛИ МЫСЛЕННЫХ ОБРАЗОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

А.Г. Шипулин

Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского, Брянск

В статье рассматривается природа мысленных образов и их роль в процессе создания текста перевода. Приведены результаты эксперимента, позволяющие предположить наличие высокой силы связи между индивидуальной склонностью к использованию предметно-ситуативных образов при когнитивной обработке информации и результатами перевода художественного текста.

Ключевые слова: *корпоральный подход к познанию, мысленный образ, когнитивные предпочтения, шкалирование, ситуативность.*

Уже более полувека в когнитивной науке продолжают споры о сущности ментальных репрезентаций, включая мысленные образы, и их роли в познании. С 1990-х годов большое развитие получили двусистемные теории обработки вербальной информации, основывающиеся на корпоральном (телесном) подходе к познанию, согласно которым ментальные репрезентации основываются на телесном опыте человека. Например, осознание человеком времени имеет корпоральную основу [2]. Корпоральный подход получил значительное нейронаучное обоснование; установлено, например, что нейронные субстраты перцептов и мысленных образов, которые мы помним или мысленно воссоздаём, в значительной степени совпадают, это же касается фактически выполняемых и мысленно моделируемых действий [6]. Существует также эмпирическое подтверждение участия сенсомоторных представлений в чисто интеллектуальных задачах, таких как понимание языка. Эти факты могут служить аргументом в пользу предположения Л. Барсалоу о том, что понимание осуществляется в результате перцептивного и моторного моделирования. Ментальные модели появляются как результат активации сенсомоторных участков коры головного мозга при отсутствии перцептивных стимулов и двигательных действий [4].

В теории перевода также не раз отмечалась роль ментальных образов как для процессов понимания исходного сообщения, так и в целях избежания межъязыковой интерференции при создании переводного текста. Большой вклад в теоретическое обоснование этого дидактического подхода внесла интерпретативная теория перевода, предложенная французскими переводоведами Д. Селескович и М. Ледерер. В противовес господствовавшим в то время пропозициональным взглядам на мышление, Д. Селескович (1968) разработала теорию смысла (*théorie du sens*), которую успешно применяла в преподавании устного перевода [10].

Д. Селескович исходит из того факта, что при вербальной коммуникации говорящие, как правило, не запоминают языковую форму высказанных мыслей,

а сохраняют в памяти лишь выраженный смысл. Отсюда, задача переводчика состоит в передаче на другой язык смысла переводимого высказывания. Смысл при этом определяется как невербальная ментальная репрезентация, возникающая в сознании переводчика как результат взаимодействия языкового содержания высказывания с экстралингвистической информацией. Согласно Д. Селескович, извлечение смысла происходит мгновенно и интуитивно, и лишь этот извлеченный смысл передаётся затем в переводе. Обращение к языковому содержанию, к значениям языковых единиц оригинала только затрудняет и искажает понимание, а, следовательно, и перевод.

Изначально многообещающая теория интерпретативного перевода, однако, не получила должного систематического развития и эмпирического подтверждения своих исходных посылок. Несмотря на успешное применение в дидактике перевода, теория грешит идеализированным взглядом на процесс перевода, постулируя чёткое разделение двух языков в сознании переводчика. Существуют, однако, сильные аргументы и экспериментальные данные в пользу того, что при порождении речи на одном из языков в сознании билингвов, даже достаточно компетентных, какими являются переводчики, активируются оба языка [7]. Ряд переводоведов также указывают на то, что переводчики в первую очередь склонны рассматривать формальные соответствия и прибегают к другим методам только при неудовлетворительном результате буквального перевода. Как установила С. Тиркконен-Кондит [11], лингвистические структуры оригинального текста оказывают влияние не только на новичков, но и на профессиональных переводчиков. С большой вероятностью, при переводе смысл не обособляется полностью от языковой формы, и девербализация, таким образом, не является непременным условием для создания текста перевода.

Особенно значимой для исследования интерпретативных процессов представляется теория языка и ситуативного моделирования (Language and Situated Simulation Theory), учитывающая вышеприведенные факты. Согласно данной теории, в процессе когнитивной обработки информации задействованы системы двух видов – языковые и модальные. Языковые системы включают в себя образы языковых форм. Модальные – создают динамические модели, конструирующие в мультимодальной форме содержание высказывания или текста.

При обработке текстовой информации в первую очередь активируются ассоциативные интер- и интралингвистические связи (на основе фонетических, таксономических признаков, частотности и пр.), и лишь затем, если обнаруженная в этой системе информация оказывается несоответствующей выполняемой задаче, происходит ситуативное моделирование при помощи модально-специфических церебральных систем. Ситуативные модели в свою очередь вновь активируют языковые формы, и, таким образом, оба типа когнитивных систем взаимодействуют и циклично сменяют друг друга в процессе интерпретации текста [3].

Теория языка и ситуативного моделирования также имеет много общих моментов с разрабатываемой в отечественной психолингвистике теорией идентификации слова как «встречного моделирования»: «языковые знания направляют встречное моделирование ситуаций и их составляющих, признаков

последних и т.д., а те, в свою очередь, подкрепляют или заставляют уточнить вовлекаемые языковые знания» [1: 63].

До сих пор лишь небольшое количество исследований пытались эмпирически исследовать роль сознательного или бессознательного построения мысленных образов в переводе; также количество участников в подобных исследованиях часто не превышает нескольких человек (см., например, [9]). Несомненно, это связано, в том числе, с трудностью исследования и интерпретации результатов, так как ментальные образы недоступны для внешнего наблюдателя и, следовательно, судить о верности теоретических представлений возможно лишь постольку, поскольку они согласуются с косвенными эмпирическими данными, полученными методами интроспекции, опроса, анализа текстов и пр.

Для определения профилей образной и вербальной обработки информации и их возможной связи со стратегиями, используемыми при переводе художественных текстов, мы провели эксперимент с участием студентов 3–5 курсов факультета иностранных языков Брянского государственного университета.

Мы исходим из предположения, что сам факт того, что формальные межъязыковые соответствия не согласуются с интегративным образом действительности, описываемой в тексте, будет с большей вероятностью отмечен теми переводчиками, которые проявляют сравнительно большие способности и/или склонности к когнитивной обработке информации при помощи мысленных образов. Соответственно, осознание неадекватности наиболее частотного формального соответствия интегративному образу ситуации будет инициировать поиск других, более подходящих вариантов перевода, что должно найти отражение в переводном тексте.

В данной статье мы рассмотрим только часть результатов, полученных на основе анализа данных эксперимента с участием 46 студентов: 15 (33%) студентов 3 курса; 20 (43%) студентов 4 курса; 11 (24%) студентов 5 курса. Для всех русский язык является родным, а английский – первым иностранным.

Для анализа используются следующие данные:

1. Анкетирование на основе опросника объектного и пространственного воображения и вербальных способностей М. Кожевниковой и О. Блаженковой (Object-Spatial Imagery and Verbal Questionnaire) [5]. Опросник включает в себя три субшкалы из 15 утверждений. Утверждения, относящиеся к разным субшкалам, даны вперемешку. Две субшкалы соотносятся с образным мышлением, и одна – с обработкой вербальной информации. Испытуемым требуется оценить по пятибалльной шкале, насколько каждое утверждение соответствует его способностям и склонностям – от 1 (совершенно не соответствует) до 5 (полностью соответствует). Окончательная оценка по каждой субшкале – это среднее значение ответов по 15 пунктам. Субшкала «Объектное воображение» позволяет оценить способность строить яркие и детализированные мысленные образы не только предметов, но и сцен, ситуаций. Поэтому иначе данную субшкалу можно было бы назвать «предметно-ситуативным воображением». (Пример утверждения из данной субшкалы: *Закрыв глаза, я могу легко представить себе сцену, которую пережил(а).*) Подраздел «Пространственное воображение» оценивает способность к

когнитивной обработке местоположения предметов, их движения и преобразования при помощи более абстрактных и схематичных мысленных образов. Третья субшкала измеряет использование вербальных стратегий.

Анкетирование проходило в очной форме по индивидуальной карточке-опроснику.

2. Тексты перевода отрывка объемом 2630 знаков из первой главы книги Флоры Томсон “Still Glides the Stream” (от “The Oxfordshire village of Restharrow... is a long, straggling place...” до “... was for years one of the sights of the village”) На данном этапе исследования нами был проанализирован перевод девяти фрагментов текста, имеющих весьма частые формальные соответствия в русском языке, значения которых, однако, с большой вероятностью не могут быть согласованы с целостной моделью действительности, изображаемой переводным текстом. Шесть фрагментов представляют собой отдельные слова или словосочетания (*-covered porch, gable end, redeemed from ugliness, a feature of the district, with light switches in their hands, flock (of ducks)*); в трех случаях с точки зрения логичности и непротиворечивости оценивался перевод сложных предложений.

Переводные тексты испытуемых сравнивались со сформированным нами «эталонным переводом», в котором 100% приведённых фрагментов переданы логично и непротиворечиво по отношению друг к другу и остальному тексту.

Для проверки взаимосвязи способности/склонности к построению разных видов мысленных образов (предметно-ситуативного и пространственного воображения и относительным числом удовлетворительно переведённых фрагментов из числа отобранных для исследования был использован коэффициент линейной корреляции Пирсона. В результате для предметно-ситуативного воображения был получен коэффициент равный 0,79. Количественное выражение статистической зависимости даётся на основе шкалы Чеддока: полученный результат свидетельствует в пользу наличия высокой силы связи между рассматриваемыми переменными. Ниже приведено корреляционное поле данных с линией тренда (см. Рис.1).

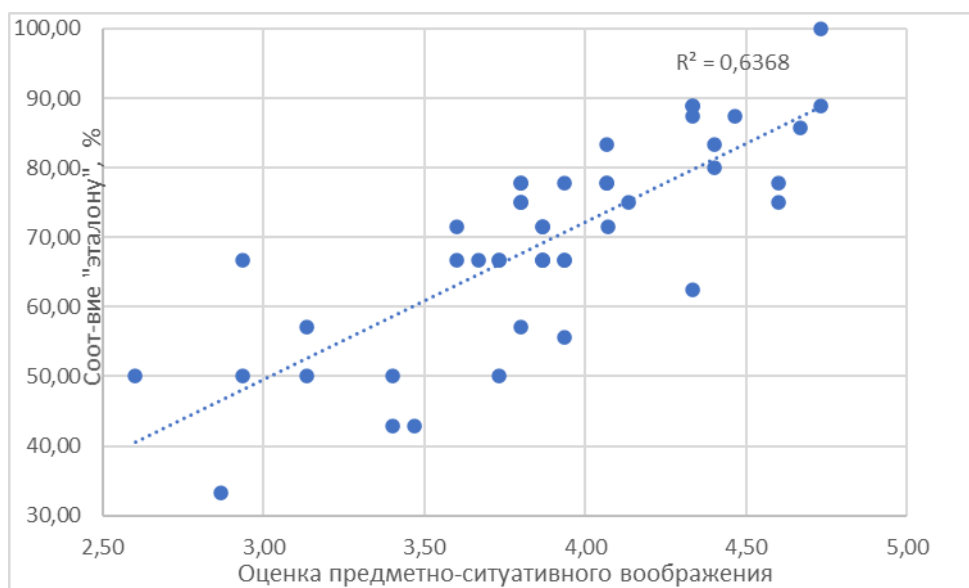

Рис. 1. Корреляционное поле данных с линией тренда

Для пространственного воображения наличие существенной связи с выбором переводных соответствий на данном этапе исследования не установлено (коэффициент линейной корреляции – 0,20). Это может быть свидетельством того, что анализируемые части перевода не включали значительного количества элементов, требующих применения соответствующих когнитивных способностей.

Влияние вербальных способностей на результат перевода в данном исследовании также не установлено (коэффициент линейной корреляции – 0,17). Здесь надо отметить, что мы не оценивали полученные варианты с точки зрения их благозвучности, ритмики, повторяемости и подобных вербальных характеристик.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет заключить, что между индивидуальной склонностью к использованию предметно-ситуативных образов при когнитивной обработке информации и результатами перевода художественного текста имеется существенная связь. В дальнейшем предполагается расширить базу исследования за счёт большего количества участников и увеличения числа анализируемых параметров переводных текстов для уточнения полученных результатов и выявления влияния других типов когнитивных предпочтений на результат перевода, а также их возможного взаимовлияния.

Список литературы

1. Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. Лондон: IASHE, 2014. 180 с.

2. Чугунова С.А. Время в языке и сознании: сомато-центрический подход // Вестник Брянского государственного университета, 2014. С. 415–419.
3. Barsalou L.W. Grounded cognition // Annual Review of Psychology. 2008. Vol. 59. Pp. 617–645.
4. Barsalou L.W. Perceptual symbol systems // Behavioral and Brain Sciences. 1999. Vol. 22. Pp. 577–660.
5. Blazhenkova O., /Kozhevnikov M. The New Object-Spatial-Verbal Cognitive Style Model: Theory and Measurement // Applied Cognitive Psychology. 2008. № 23. Pp. 638-663.
6. Kosslyn S. M. Mental imagery and implicit memory // Handbook of Imagination and Mental Simulation. New York: Psychology Press, 2009. Pp. 35–51.
7. Kroll J. F. Language selection in bilingual speech: Evidence for inhibitory processes // Acta Psychologica. 2008. Vol. 128. Pp. 416–430.
8. Martín de León C. Mental imagery in translation processes // Hermes – Journal of Language and Communication in Business. 2017. Vol. 56. Pp. 201–220.
9. Martín de León C. Mental Representations // The Handbook of Translation and Cognition. Wiley Balckwell, 2017. Pp. 106–126.
10. Seleskovitch D. Pédagogie raisonnée de l'interprétation. Paris: Didier érudition, 2002. 388 p.
11. Tirkkonen-Condit S. The monitor model revisited: Evidence from process research // Meta. 2005. Vol. 50(2). Pp. 405–414.

EMPIRICAL STUDY OF THE ROLE OF MENTAL IMAGES IN TRANSLATING LITERARY TEXT

A.G. Shipulin

Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University

The article deals with the nature of mental images and their role in the process of creating a translation text. The article presents experimental results, suggesting a strong connection between the individual inclination to use object-situational images in cognitive processing and the results of a literary text translation.

Keywords: *embodied approach, mental image, cognitive preferences, scaling, situatedness*

Об авторе:

ШИПУЛИН Алексей Григорьевич – аспирант кафедры теории английского языка и переводоведения Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, (241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д.14); e-mail: alx.shipulin@gmail.com